

МНОГОУРОВНЕВАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА*

Фридрих Вайсман

В статье автор пытается набросать новую картину языка – языка, разделенного на слои. Каждый слой имеет свою собственную логику и отделен от других провалами, через которые можно перепрыгнуть, но через которые нельзя навести мосты с помощью логических процедур. Философы, стараясь преодолеть эти провалы, запутываются в псевдопроблемах, поскольку не учитывается, что высказывания о чувственных данных относятся к одному слою, высказывания о материальных объектах – к другому, этические утверждения – к третьему и т. д. Нельзя игнорировать принадлежность того или иного высказывания тому или иному слою. Следствием этой теории является то, что логика теряет свою универсальность: логика может быть применена только к однородным высказываниям. Однако анализ отношений между слоями требует внимания логиков.

Ключевые слова: язык, высказывания о чувственных данных, высказывания о материальных объектах, редукционизм, верификационизм

THE MANY-LEVEL-STRUCTURE OF LANGUAGE**

Friedrich Waismann

The author attempts to sketch a new picture of language: language is stratified into layers, each layer having a logic of its own and being separated from the others by gaps over which one may jump but which cannot be bridged by logical processes. Philosophers try to bridge the gaps and become entangled in pseudo-problems. Law statements exemplify one stratum, thing statements another, sense-datum statements another, ethical statements another, and so on. The different subject-matters are to be characterized by reference to the different strata, rather than conversely; a sense impression is something that is describable in a language of such-and-such structure; a material object is something which can be described in such-and-such language; and so on. A consequence of the theory is said to be that logic loses its universal validity: logic can only be applied to statements that are homogeneous. However, relations between the layers do claim the attention of the logician.

Keywords: language, sense-datum statement, material object statement, reductionism, verificationism

В данной статье я попытаюсь набросать новую картину языка, которая, пусть еще и не проверенная, будет, видимо, иметь огромное значение. Я хочу обсудить то, как язык расслаивается на «уровни». Чтобы достигнуть своей цели, я не могу сделать ничего лучшего, как обрисовать некоторые современные этапы развития философии.

Первая наивная попытка состояла в том, чтобы найти из чего действительно состоят вещи. Так, Беркли говорил: «Я вижу эту вишню, я осязаю ее, я пробую ее... следовательно, она реальна. Устрани ощущение мягкости, влажности, красноты, терпкости, и ты уничтожишь вишню. Так как она не есть бытие, отличное от ощущений, то вишня, я утверждаю, есть не что иное, как соединение чувственных впечатлений» [Беркли, 1978, с. 345]. Однако такой взгляд связан с

* Перевод подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00119а «Неопределенность и “открытая текстура” юридического языка».

** Перевод с английского выполнен по изд.: *Waismann F. The Many-Level-Structure of Language // Synthese. 1946. Vol. 5. No. 5/6. P. 221–229.*

множеством затруднений. Ведь вишня же не «состоит из» мягкости, влажности и красноты в том же смысле, в котором стул состоит из сиденья, ножек и спинки? И вишня же ведь существует, даже если ее никто не воспринимает? При обсуждении этих вопросов возникла необходимость основательно разобраться со значением слов, которые обозначают вещи, и это практически незаметно привело к полному изменению характера мысли. Действительно, взглянув на какую-нибудь современную книгу по философии, что мы в ней найдем? Обсуждения употреблений слов, слов, слов... Величайшие философские проблемы ужимаются до мельчайших словесных выражений, типа «Я буду», «Я могу», «Я должен», «Я обязан», «Я есть». Что за трудноразрешимые проблемы связаны с каждой из этих фраз! Совсем не то, что есть много философов, которые сказали бы, что под философией *подразумевается* исследование о словах. Отнюдь! Изучение слов, согласно им, служит лишь достижению философского прояснения. И тем не менее возникла новая техника, которая революционно изменила философию.

Наиболее радикальная точка зрения обрисовалась после Первой мировой войны. Согласно ей, философия заключается *только* в изучении символизма. Чтобы проиллюстрировать это изменение, взглянем вновь на проблему Беркли. Вместо того, чтобы сказать: «Вишня *есть* не что иное, как соединение чувственных впечатлений», современный приверженец Беркли сказал бы, что высказывания о материальных объектах «сводимы» к высказываниям о чувственном опыте; другими словами, высказывания о материальных объектах могут быть – без утраты значения – *переведены* в высказывания, которые относятся исключительно к чувственному содержанию. Замечаете значительную разницу в постановке проблемы? Современная формулировка вовсе не пытается установить, чем *является* материальная вещь; она связана только с тем, как мы *говорим* о материальных вещах. На самом деле это – утверждение о *языке* или, более точно, о двух подъязыках, о которых предполагается, что они эквивалентны. Ибо утверждается, что для каждого высказывания о материальном объекте может быть найдено другое, много более сложное высказывание, которое ему логически эквивалентно и которое не упоминает никаких материальных объектов, но только чувственные переживания. А это уже явно высказывание о языке. Так началась следующая эпоха философии, которая может быть описана как эпоха разложения стульев и столов на схематику чувственно данных. Это движение, воплощенное в позитивизме, феноменализме, бихевиоризме, связано с такими философами, как Бертран Рассел, Уайтхед, Карнап – упоминаю здесь лишь самых современных. Все, что рассматривается как заслуживающее внимания, должно теперь «строиться» с точки зрения классов и отношений, и безразлично, чем оно является – стулом, самостью, числом или мгновением.

Еще более радикальной является точка зрения, которой придерживается Витгенштейн. Согласно его «Логико-философского трактату», любая философская проблема – это «псевдопроблема», которая нуждается не в ответе, а в прояснении. Такое прояснение состоит в проникновении в смысл отдельных слов, которые используются при формулировке проблемы, до тех пор, пока у вас не пропадет всякое желание задавать подобного рода вопросы. Философия, таким образом, превращается в терапию, излечивающую вас от того, чтобы задавать глупые вопросы. То, что называлось вопросами, лишь «по недоразумению ощущалось как проблемы».

Я не буду останавливаться на выяснении того, действительно ли прояснение – это все, что может быть достигнуто в философии. (Кстати, я сам не думаю, что это так; я подозреваю, что за поверхностью скрываются проблемы другого типа, но я не буду в это вдаваться.) Я предпочел бы обратить внимание на новый этап, в направлении которого, как мне кажется, развиваются современные новации. Вместо продвижения в отдельных случаях языкового употребления мы можем подойти к этой проблеме более общим способом. Мы можем спросить себя: возникают ли философские вопросы, так сказать, случайно или же может быть обнаружен какой-то основной принцип, посредством которого они упорядочиваются на карте языка?

Рассматривая этот вопрос, я прежде всего хочу провести различие между двумя способами, которыми может продвигаться логическое исследование. Проясняя свою позицию, я использую аналогию. При изучении геометрии кривой нас может интересовать ее поведение в некоторой конкретной точке: имеет ли она здесь касательную, является ли она здесь непрерывной, какова мера ее кривизны и т. д.? Или мы можем изучать поведение кривой *как целого*: замкнута ли она и, если да, то выгнута ли и т. д.? Этот образ предполагает два различных типа исследований в логике. Один ориентирован на логические отношения, которые имеют место между определенными суждениями. Характерный вопрос этого типа заключается в том, влечет ли данное суждение другое суждение или противоречит ему или же они эквиваленты либо независимы друг от друга. Мы тогда имеем дело с логической связью *на малой шкале*. Но зададимся теперь другим вопросом: предположим, что мы рассматриваем целостную теорию, основанную на определенных аксиомах, и спрашиваем, является ли она «полной», т. е. каждая ли формула, построенная согласно заданным правилам, разрешима теми или иными способами с помощью средств данной теории. Предположим, мы говорим: «Эта теория полна», тогда мы делаем утверждение не об отношениях между двумя, тремя или более суждениями, но о теории *в целом*. Опять же, когда мы спрашиваем, изоморфны ли две теории, мы имеем дело с тем, что можно назвать «макрологическими» свойствами этих теорий, в отличие от вопросов, касающихся «микрологической» связи отдельных высказываний.

Для обращения с подобными проблемами была разработана определенная техника. Разумеется, эти методы могут быть применены только к дедуктивным системам. Но мне кажется, что есть также смысл говорить о макро- и микрологических свойствах *языка*. Правда, язык не организован так, как организована дедуктивная система; по сравнению с такой системой он имеет гораздо более небрежно сотканную текстуру (*more loosely knitted texture*). Тем не менее есть разница, которую можно уловить, когда вы противопоставляете высказывания вроде: законы природы, высказывания о материальных объектах, высказывания о чувственных данных, высказывания, описывающие сновидение или размытый образ, запечатленный в памяти, предложения, встречающиеся в романе, и т. д. **Как если бы эти «языковые слои»** (*language strata*) создавались в ином *логическом стиле*. Сейчас я хочу рассмотреть следующий вопрос: можно ли представить это смутное ощущение в виде более точного утверждения, приспособив некоторые средства описания макрологического поведения таких слоев? Гаусс преуспел в характеристике искривленной поверхности, ссылаясь на ее внутреннюю геометрию. А можно ли сходным образом охарактеризовать языковой слой изнутри? Рассмотрим, какие средства есть в нашем распоряжении. Итак, есть несколько формальных соображений, на которые мы можем опереться: структура логики, полнота описания, «открытая» и «закрытая текстура» понятий, верифицируемость, истина и т. п.

«Боюсь, я не совсем понимаю», – сказала Алиса. «Дальше будет легче», – ответил Шалтай-Болтай («Алиса в Зазеркалье»).

Логика

Идея, что существует только одна система логических правил, я полагаю, не соответствует нынешнему уровню знания. Интуиционисты, вроде Гейтинга, сконструировали логику, в которой закон исключенного третьего больше не является общезначимым. Биркгоф и Нейман предположили, что логическая структура квантовой механики не согласуется с классической логикой, поскольку перестает работать закон дистрибутивности. Логика чувственных впечатлений [Waismann, 1945] предстает в таком виде, что не отдельное суждение, но целый класс суждений является единицей логики, которая опять-таки указывает на иную систему правил. Или рассмотрим следующий случай: если мы рассматриваем образы памяти, например, если я должен описать какое-то полузабытое впечатление вроде того, что у меня было, когда я впервые посетил Амстердам, – наслаждался мимолетной красотой старых дворцов аристократов и красочных рынков, отражающихся в

каналах и проглядывающих сквозь легкую дымку, – и если мне задают какой-то конкретный вопрос, например, как точно выглядел дворец, я могу обнаружить, что не способен на него ответить. Учтите, я говорю не о реальном Амстердаме (что подразумевало бы высказывание о материальном объекте), но о моем *впечатлении*, в котором слились реальный и воображаемый город. Я не могу вернуться к изначальному переживанию; впечатление нельзя сохранить и пришить к панно, как мертвого жука. С точки зрения того, на что намекает Брауэр, мы можем сказать: а каким образом используется утверждение, что мое впечатление должно быть подобно либо тому, либо этому, если я вообще ничего такого не подразумеваю? Настаивать на законе исключенного третьего, не имея возможности *решить* проблему, – значит зацепиться за пустую формулу и впустую служить законам логики. Хотя все еще можно настаивать на утверждении: «Это было подобно либо тому, либо этому», но оно в конечном счете становится *бессмысленным*. Мы должны принять тот факт, что альтернативы такого рода часто неразрешимы. Опять-таки, особой кажется логика афоризмов: можно сказать одно, а потом – другое, не будучи при этом обвиненными в противоречии. Также было бы интересно исследовать логику стиха. Все это требует обратить внимание на систему логики как характеристику, которая запечатлевается в определенном слое.

Полнота

Предположим, я должен описать здание, в котором мы сейчас находимся. Я могу отметить много разных вещей – его высоту, комнаты, стиль, в котором оно построено, его возраст, его историю и т. д. Но как бы далеко я ни продвигался, я никогда не достигну той точки, когда мое описание станет *полным*. Логически говоря, описание всегда можно дополнить, добавив те или иные детали. Любое описание, так сказать, простирается до горизонта открытых возможностей. Сравните этот случай со следующим: я описываю фигуру, говоря: «Это белый квадрат, а в нем черный круг» (прибавляя точный размер, положение и оттенок цвета), тогда у меня есть *полная* картина, и я знаю, что она полна. Опять же, ковер, рассматриваемый как образчик цвета и формы, можно описать полностью, так же как игру в шахматы, в некотором подходящем способе записи, или мелодию. Совсем иное, если я описываю треугольник, скажем, путем указания на его три стороны. В этом случае *логически невозможно* добавить к уже имеющимся данным нечто такое, что из них не следует или им не соответствует. Но совсем другой случай, если я описываю сон. Мое описание так или иначе заканчивается, хотя и совсем не таким образом,

как описание треугольника или мелодии. И не потому, что я просто *останавливаюсь* так же, как в случае, когда я говорю что-то об этом здании и думаю: «Описание закончено», и не потому, что логически невозможно продолжить, и не потому, что я с уверенностью знаю, что полностью изложил сон. Скорее потому, что я *пытаюсь* вспомнить некоторые детали, но *неудачно*. Таким образом, в зависимости от слоя меняется чувство «полноты» и «неполноты».

Открытая текстура

Национальный спорт английских философов – «проанализировать» стулья и кошек с точки зрения чувственных данных. Точно так же американские бихевиористы горят желанием «свести» высказывания психологии к высказываниям о человеческом поведении. При этом они упускают из виду самый важный момент – «открытую текстуру» большинства наших эмпирических понятий (*Porosität der Begriffe*). Я имею в виду следующее: предположим, что мне нужно верифицировать высказывание вроде следующего: «В соседней комнате есть кошка». Предположим, я иду в соседнюю комнату, открываю дверь и действительно вижу кошку. Достаточно ли этого, чтобы доказать мое утверждение? Или я должен вдобавок потрогать кошку, погладить ее, чтобы она замурлыкала? Предполагая, что я все это сделал, могу ли я быть абсолютно уверен, что мое высказывание было истинным? Мы сразу же сталкиваемся с хорошо известным с античных времен набором скептических аргументов. Что, например, мне следует сказать, если позднее это существо выросло до гигантских размеров? Или если это существо повело себя как-то странно, что обычно не случается с кошками, скажем, если при определенных условиях оно смогло ожить после смерти, чего не могут обычные кошки? Должен ли я в таком случае сказать, что появился новый вид кошки? Или что это была кошка с необыкновенными способностями? Опять же, предположим, я говорю: «Это же мой друг». Что если, когда я подошел к нему, чтобы пожать ему руку, он внезапно исчез. «Следовательно, это был не мой друг, а какая-то иллюзия». Но, предположим, через несколько секунд я увидел его снова и могу взять его за руку. Что тогда? «Следовательно, твой друг тем не менее был здесь, а его исчезновение было какой-то иллюзией». Но представьте, что некоторое время спустя он снова исчез или кажется, что исчез. Что я должен сказать теперь? Есть ли у нас готовые правила для всех воображаемых возможностей?

«Но разве нет точных определений, по крайней мере, в науке?» Рассмотрим. Понятие золота, пожалуй, определяется с абсолютной точностью, скажем, посредством спектра золота с его особыми ли-

ниями. Но что бы вы сказали, если бы было обнаружено вещество, похожее на золото, удовлетворяющее всем химическим свойствам золота и в то же время обладающее новым спектром излучения? «Но такого не может быть». Совершенно верно. Но это *может* произойти, и этого достаточно, чтобы показать, что мы никогда не можем исключить возможности возникновения какой-либо непредвиденной ситуации, в которой нам придется изменить наше определение. Как бы мы ни старались, ни одно понятие не может быть ограничено так, чтобы не оставалось никаких сомнений. Мы вводим понятие и отграничиваем его в некоторых направлениях. Например, мы определяем «золото» в противопоставлении с другими металлами, а также сплавами. Для текущих нужд этого вполне достаточно, и далее мы ничего не предпринимаем. Мы склонны упускать из виду тот факт, что всегда есть другие направления, где понятие не было определено. А допуская это, мы могли бы легко представить условия, для которых необходимы новые ограничения. Короче говоря, невозможно определить понятие вроде золота с абсолютной точностью, т. е. таким способом, который преграждал бы путь всякому сомнению. Это как раз и есть то, что подразумевается под открытой текстурой понятия.

Смутность следует отличать от открытой текстуры. Слово, которое фактически используется изменчивым способом (например, «куча» или «розовый»), считается *смутным*; термин вроде термина «золото», хотя его фактическое употребление может не быть смутным, не имеет исчерпывающего определения или обладает *открытой текстурой* в том смысле, что мы никогда не сможем заполнить все возможные пробелы, через которые может просочиться сомнение. Поэтому открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности. Смутность может быть устранена посредством установления более точных правил, открытая текстура – нет [Waismann, 1946, p. 121–127].

Открытая текстура, отсутствующая у логических и математических понятий, является очень важной чертой большинства наших эмпирических понятий. То, что структура эмпирического знания настолько отличается от структуры априорного знания, каким-то образом, возможно, связано с различием открытой и закрытой текстуры.

Верифицируемость

Вопрос, собственно, в следующем: могут ли рассматриваемые предложения быть верифицированы? Верификация может подразумевать совершенно различные вещи. Физическая теория может быть верифицирована, хотя и не окончательно, наблюдением. В этом случае чело-

век, проводящий наблюдение, может быть проверен в свою очередь. Могут быть внимательно изучены его зрение, его надежность и т. д., и результатом этого исследования будет набор новых высказываний, которые снова нуждаются в верификации. Мы можем, далее, исследовать эксперта, который исследовал зрение наблюдателя, и т. д. Следуя цепи верификации, мы никогда не достигнем конца. Сравним с этим следующий случай: «У меня жутко болят зубы». Предположим, я иду к стоматологу, он осматривает мои зубы и говорит: «Нет, с зубами все в порядке». Могу ли я тогда ответить: «Ой, прошу прощения, я *думал*, что у меня болят зубы, но теперь я вижу, что ошибался»? Невозможно доказать отсутствие у меня зубной боли исследованием моих зубов, нервных окончаний и т. д. Если меня спросят, откуда я знаю, что у меня болят зубы, я отвечу: «Потому что я это *чувствую*». Это очень странный ответ, ибо могу ли я каким-то образом иметь дело со своей зубной болью, нежели ее чувствовать? Мой ответ нацелен только на то, чтобы *отвергнуть* вопрос как неуместный. Откуда я знаю? У меня просто болят зубы, и все. Я не утверждаю, что не мог ошибиться, что не признаю медицинское заключение или что не могу не верить самому себе. Никто ни на небе, ни на земле не может меня опровергнуть. Говоря: «Я просто чувствую это», я обращаю внимание на тот факт, что зубная боль – это то, что *дано в непосредственном переживании*, а не то, что *выведено из чего-то другого* в силу определенных обстоятельств. Пока мы ограничиваемся высказываниями о материальных объектах, верификация не приводит к естественному концу, но непрерывно отсылает ко все новым высказываниям. Однако в этой цепочке мы видим, как вторичные направления разветвляются, уходя в другие области, туда, где они внезапно упираются в «Я-высказывания» (I-statements). Таким образом, верификация плетет сложную сеть, создавая разветвленную структуру.

Истина

Сравните физический закон, описание этого стола, описание полузабытого впечатления, описание моего нынешнего поля зрения, высказывание о моих собственных мотивах, предположение относительно мотивов, побуждающих другого действовать, буквальное цитирование использованных определенным способом слов, краткий обзор содержания политической речи, характеристика духа Ренессанса, пересказ моего впечатления от стихотворения, этические суждения и т. д. Конечно, точность речи не может быть истинной в том же смысле, в котором точной является цитата. Если вы когда-нибудь попытаетесь передать словами какое-то редкое и утонченное переживание или по-

лузабытое впечатление, вы обнаружите, что истина неразрывно связана со стилем вашего выражения. Чтобы вполне и достоверно выразить столь тонкое умонастроение, это нужно не только поэту. Далее, физический закон не может быть истинным в том же смысле, в котором, скажем, истинным является описание этого здания, а это описание не может быть истинным в том же смысле, в котором истинным является утверждение вроде «У меня болит голова». Истина применительно к физическому закону означает, грубо говоря, следующее: он хорошо обосновывается наблюдением; совершенно разные вещи он тесно связывает друг с другом; он упрощает нашу теоретическую систему; он приводит нас к «пониманию» того, что казалось раньше загадочным; он полезен для новых предсказаний и открытий. (Неслучайно поэтому прагматик отождествляет истину с пользой: он уловил важный аспект, но только один из аспектов.) Истина в этом случае, можно сказать, является не *одной* идеей, но целым узлом идей. Ничего из этого не применяется к истине в случае простого восприятия. Предположим, вы должны убедиться, что в вашей комнате горит свет. Когда вы говорите: «Да, он горит», ваше утверждение истинно *не* потому, что это упрощает дело, *не* потому, что связываются разные вещи, *не* потому, что это полезно или наводит на размышления – нет, ничего подобного; оно – истинно, потому что говорит то-то и то-то, и то-то и то-то обстоит именно так, как вы говорите. А в каком смысле вы сказали бы об этическом утверждении, что оно является истинным? Какое множество проблем поднимает один этот вопрос! Истина – мы должны понимать, что это слово используется на разных уровнях и в разных смыслах. Оно обладает *систематической двусмысленностью*; и поэтому имеет отношение к «существованию», «факту», «утверждению», «описанию», «знанию», «закону», «значению», «осмысленности», «реальности», «пространству» и множеству других вещей.

Таким образом, мы видим, что высказывания могут быть *истинными* в различных смыслах, что они могут быть *верифицированы* в различных смыслах, что они могут быть *полными* или *неполными* в различных смыслах, что в действительности сама логика может изменяться вместе с видом высказывания. Это предполагает группировку в одном слое всех тех предложений, которые являются однородными, т. е. которые логически ведут себя одинаково. И есть довольно много лейтмотивов, сочетающихся, чтобы оставить отпечаток на таком слое.

До настоящего времени было обычным делом рассматривать отдельные слои через описание их предмета, таких как физические законы, высказывания о материальных объектах, описание смутных впечатлений и т. п. **Я же предлагаю полностью перевернуть это положение** и говорю: каждый слой имеет свою собственную логику; так же, как физики говорят о «характеристическом числе» определенного

уравнения, можно говорить о «характеристической логике» (*eigenlogic*) определенного языкового слоя. Если мы внимательно изучим точную структуру такого слоя, т. е. **текстуру его понятий, значение истины, систему верификации и т. д., мы можем таким способом прийти** к описанию предмета. Например, мы можем сказать: чувственное впечатление есть нечто такое, что описывается в языке такой-то и такой-то структуры; материальный объект есть нечто такое, что можно описать в таком-то и таком-то языке и т. д. **Только если мы совершенно ясно представляем логическую текстуру используемого нами языка, мы будем знать, о чем мы говорим.**

Отношения между разными слоями имеют весьма сложную, своеобразную и неуловимую природу. Поскольку я не могу охватить все, я ограничусь тем, что приведу только один пример, который может прояснить ситуацию.

Физический закон, без сомнения, связан с наблюдениями, которые его подтверждают. Но дело представляется неверно, когда говорят, что наблюдение «вытекает» из закона природы (плюс заданные начальные условия) или что оно «противоречит» ему. Вспомним, что всегда остается возможность примирить теорию и наблюдение, прибегая к некоторым дополнительным допущениям; по крайней мере, мы никогда не исключаем такую возможность *a priori*. Поэтому нам следовало бы выражать это отношение более осторожно, например, так: некоторые наблюдения говорят в пользу или против закона, они легко с ним согласуются и т. д. Суть заключается в том, что простое наблюдение никогда не исключает теорию в том смысле, в котором не-*p* исключает *p*. Если наблюдение не может строго противоречить теории, оно не может следовать из нее. То, что вы можете вывести из принципов механики, например, является некоторой теоремой, но никогда не является утверждением наблюдения. Дедуктивная связь никогда не распространяется за пределы слоя, теоретическая физика никогда не переходит в экспериментальную физику.

Все это стремится к демонстрации того, что связь между физическим законом и свидетельствами, которые у нас для него есть, или между высказыванием о материальном объекте и высказыванием о чувственных данных, или опять-таки между психологическим высказыванием и бихевиористскими свидетельствами в его пользу является более слабой, чем до сих пор считалось. Как результат, *логика теряет свою универсальную общезначимость*: логика может применяться только к высказываниям, которые являются однородными. Пока мы движемся в рамках высказываний одного слоя, применяются все отношения, предусмотренные, например, классической логикой. Реальная проблема начинается там, где такие слои вступают, так сказать, в контакт; это – проблема соприкосновений, которые сегодня требуют внимания логика. Вполне возможно, что для полного оправдания

структуры языка нам придется вводить такие смутные термины, как «весомый», «предпочитаемый» или «удовлетворительный», «очевидный», «подкрепленный», «ослабленный» и т. д.

Учитывая эту систематическую двусмысленность, мы даже не можем связать два предложения различного истинностного типа логическими союзами. Таким образом, наш результат можно усилить: не только отдельное наблюдение не может противоречить закону, но даже недопустима конъюнкция закона L и высказывания наблюдения p , или сказать: «Если L , то p ».

Таким образом, язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур. Этот факт объясняет многие традиционные проблемы философии. Ядро такой проблемы часто связано с трудностью перехода от одного слоя к другому. Приведем примеры: если мы начинаем с высказываний о чувственных данных и спрашиваем, как можно прийти к высказываниям о материальных объектах, мы сталкиваемся с проблемой восприятия; если мы начинаем с высказываний о материальных объектах и спрашиваем, как можно прийти к физическим законам, мы изучаем проблему индукции; если мы следуем за этими отношениями в обратном порядке, т. е. если мы переходим от физических законов к высказываниям о материальных объектах и от последних к высказываниям о чувственных данных, мы приступаем к проблеме верификации и т. д.

Надеюсь, что теперь мы достигли позиции, когда можем видеть, что проблема «сведения» ошибочна: вы не можете перевести предложение «Здесь находится стол» в очень длинную и запутанную комбинацию предложений, говоря о том, что видел бы, чувствовал бы и слышал человек, когда он мог бы воспринимать стол. Вы не можете этого сделать, ибо (1) высказывания о чувственных данных имеют свою собственную истинность и (2) понятие вроде понятия «стол» имеет открытую текстуру, которая не может быть подменена какой-либо комбинацией высказываний о чувственных данных. Ни конъюнкция, ни дизъюнкция последних не исчерпывает все значение высказывания о материальном объекте. Каждое такое высказывание является, так сказать, твердым ядром, которое сопротивляется любой попытке его разрушить. Тем не менее существует связь между этими двумя типами высказываний (ибо чувственные данные – это свидетельства), вынуждавшая философов «сводить» одно к уровню другого, игнорируя глубокие расхождения, которые их разделяют. Короче говоря, так же, как линии разломов отмечены на земной поверхности гейзерами и термальными источниками, линии разломов языка отмечены философскими проблемами.

Это связано с отсутствием понимания многоуровневой структуры индукции, теорий окончательной верификации, логических конструкций языка, которые сформировали многие ошибочные теории – теории материальных объектов, чисел и т. д.

Эти соображения приводят к новой картине языка, естественным образом разделенного на слои. Согласно более раннему взгляду (представленному в «Логико-философском трактате» Витгенштейна), предполагается, что ткань языка является необычайно простой: все высказывания находятся на одном и том же уровне и построены согласно простому и единообразному плану – все они являются истинностными функциями атомарных высказываний. Если заданы атомарные высказывания, любое другое высказывание может быть выведено из них. Однако можно показать, что атомарные высказывания – это миф, что истинностные функции отнюдь не являются единственным принципом образования высказываний и что разные логики применяются к разным слоям. На самом деле структура языка намного сложнее той, на которую мы только что обратили внимание.

Позвольте мне завершить следующим замечанием: мы мучаемся от односторонней трактовки языка; большинство усилий сосредотачивалось на прояснении структуры научных теорий, идей и методов. Но ничего подобного не было сделано в других сферах, которые не менее важны в жизни человека. Весь мир говорит о любви, но едва ли какой-либо серьезный мыслитель уделил время глубокому и внимательному изучению проблем, связанных с эмоциями, или попытался сосредоточиться на том, как мы аргументируем в повседневной жизни, привел объяснение логики экзотических языков или огромного количества логических проблем, связанных с литературой, поэзией, правом, этикой. В результате многие из этих проблем остались за рамками применения в таких исследованиях современной техники и, как я мог бы добавить, с неутешительными результатами для понимания человеческой природы. Я думаю, что, только обращаясь к языку в его целостности, включающей все его слои, мы можем надеяться получить полное представление о затрагиваемых проблемах. Цель этой статьи была бы достигнута, если бы она стимулировала исследования в перспективе предвидения нового гуманизма.

Список литературы / References

Waismann, 1945 – Waismann, F. “Are There Alternative Logics?”, *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*, 1945, vol. 46, pp. 77–104.

Waismann, 1945 – Waismann, F. “Symposium: Verifiability”, *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*, 1945, vol. 19, Analysis and Metaphysics, pp. 119–150.